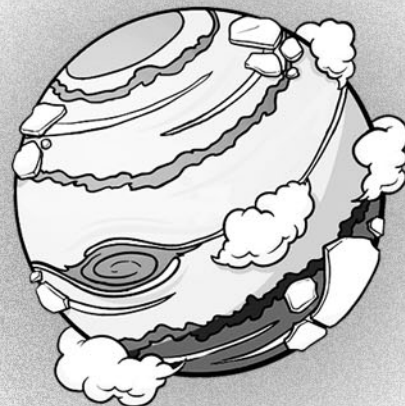

Владимир РУДАК

г. Петрозаводск

Голубая жемчужина

Едва пробивавшиеся сквозь ветви соснового Ебора лучи вечернего солнца поплясывали на гладкой поверхности озера, пробегая дерзкими бликами по сонным темным окнам. Михаил Степанович вышел на веранду двухэтажного загородного дома, и с тяжелым вздохом сел в кресло. На деревянном столе лежала цветастая книжка с изображением крохотной Земли, сиротливо ютящейся рядом с более крупными и величественными планетами, — внучка в детском саду изучает строение Вселенной.

Такая голубая горошина должна быть горькой на вкус, ведь в ней сконцентрировано и спрессовано много боли, отчаяния и совсем чуть-чуть глазури радости. Несясь в стремительной круговерти, люди напоминают себе, что за пределами окружающего мира все выглядит мелким и незначительным. И вот где-то на окраине вселенной сидит заслуженный деятель искусств, смотрит на воду, и мается его душа, и находится в смятении ум, тщетно пытающийся выдать хотя бы пару сильных строчек, потрясающих своим глубокомыслием. А ведь ожидания заинтересованной общественности небесноконечны. Сначала все уверены, что автор погрузился в какую-то масштабную работу, подводящую итог всем предыдущим творениям. Потом начинают поговаривать, что мастер впал в некий ступор, что случается, необходимо дождаться, когда кризис минует экватор, чтобы идеи вновь забили гейзером. Ну а потом все вообще перестают ждать, переключаясь на тех, кто еще на что-то способен.

Нужны проникновенные и в то же время простые слова, не затасканные шаблоны, а что-то чест-

рассказ

ное и острое. Самые обычные слова, которые легко и непринужденно слетают с уст, а не тягучая заумь, что медленно выползает, преодолевающая бесконечные тесные коридоры извилин мозга, продираясь и обрастая смыслами и вторыми планами. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить какое-нибудь печальное событие, которое могло подтолкнуть его к философскому полету над пропастью безысходности, но ничего дельного в голову не шло. Раньше подобные сцены давались проще, даже напрягаться особо не приходилось: он просто присаживался где придется и быстро записывал на обрывках бумаги искренние диалоги людей с тяжелыми и непростыми судьбами. Бывало, самые трогательные места обретались во время перекуса в любимой столовой, вписавшейся со своими алюминиевыми баками, движущимся конвейером с подносами и грязной посудой в старинное здание, некогда принадлежавшее какому-то крупному купцу. Михаил поднимал глаза к потолку с лепниной, на мгновение замирал, как будто пытаясь рассмотреть лицо опухшего амура, прилипшего округлой спинкой к потолку с арбалетом на изготовку, брал рукой из тарелки котлету, состоящую по большей части из хлеба, и с удовольствием заедал проникновенный человеческий диалог.

Клочки бумаги, тетрадки в клетку и полоску, исписанные где-то мелким, а где-то крупным почерком, были разбросаны по всей съемной комнате. Мысли людей совершенно разных сословий и характеров как будто сами изливались на бумагу, только успевай записывать. Так приятно закончить сцену или главу, откинуться на спинку стула, закинув руки за голову, и восхититься собой. Могу же! И откуда это во мне? Батя и мамка — обычные люди, да и я, что там говорить, простой паренек, но вот смотрите же, какие во мне живут истории, какой я глубины человек. И где же я всего этого набрался. Ведь бегал вместе с вами босоногим во дворе, гонял голубей и пускал бумажные кораблики по несущимся ручьям. И вот несла стремительно вода наши кораблики в одну и ту же сторону, но судьбы разлетелись, как бильярдный треугольник от точного удара в прицельный шар.

Николай поднимался по лестнице башенного крана, быстро переставляя руки и ноги, он спешил к своей возлюбленной, крановщице Кате. Хрупкой и трогательной девушке-ударнице, ловко переносившей по воздуху многотонные плиты, из которых складывается новая жизнь. Новый город! Новые судьбы! Николай остановился, посмотрел на тугие натянутые тросы и прошептал: «Крепка наша любовь, Катя, как эти тросы!»

Его состоявшаяся жизнь вызывает зависть у многих даже близких людей, ведь, сколько бы ты ни трудился, ни бился и ни расшибался, всегда найдутся те, кто легкомысленной фразочкой все это спишет на счастливый случай или судьбоносное везенье, которое предопределило все само собой. А что же это за труд такой адский, о котором так любят говорить люди творческих профессий на всевозможных банкетах и прочих мероприятиях? Ты что-то пишешь, потом переписываешь, пока это кто-то из власть имущих не одобрит. Он добился того, о чем даже боялся мечтать в молодости, когда относился с усмешкой к тому, что может стать влиятельной персоной в мире кинематографа и литературы, к его мнению будут прислушиваться именитые коллеги, на него с восхищением будут смотреть самые красивые женщины. Возможно, это мало что значило для Габена, но только не для мужчины небольшого роста, с ранней лысиной и близко посаженными глазами. Вот он заседает на очередном конкурсе в жюри: отработанные манеры, набор творческих жестов, подчеркивающих состоятельность. На нем ладный костюм, пошитый на заказ, тяжелые наручные часы стоимостью в однокомнатную квартиру в спальном районе и неприлично дорогие ботинки с отражающимися в них лампочками хрустальной люстры зала для торжественных церемоний.

Успех превращает человека в своего раба, который, поднявшись однажды на сверкающую огнями галеру, обречен грести в неизвестность до скончания века, пока прощально не погаснут софиты и рампа, пока не сомкнется тяжелый бархатный занавес и скроется зал в безмолвной тишине. Появляется множество необходимых ритуальных обязанностей, направлен-

ных на сбережение собственной популярности. Необходимо быть **ВОСТРЕБОВАННЫМ**. То есть кто-то должен все время тобой интересоваться, куда-то тебя приглашать, оплачивать перелеты, питание, показывать достопримечательности маленьких и больших городов, а ты обязан ворчливо обещать свериться со своим плотным и непримиримым графиком, прикидывая, какой запросить гонорар. Все это у него было. В избытке. Но вот однажды он проснулся утром и понял, что не поедет на встречу с продюсером, не поедет к оператору-постановщику Лядову, не будет помогать Гене переписывать какой-то сомнительный сценарий. У всех этих людей все уже закончилось, но они продолжают катиться по инерции, пытаясь реализовать какие-то хлипкие и надуманные истории. Потому что по-другому у них жить не получается, их так учили существовать и думать, они, как планеты Солнечной системы, выполняют свои функции, не сбиваясь с натопанной орбиты, пока не исчезнет Вселенная, пока не грянет Апокалипсис. Хватит с него пустых обсуждений идей, мыслей и проектов. На миг показалось, что старость помахала костылем, там за окном, из-за кустов крыжовника. И если вы думаете, что это древняя старуха в тряпье, то вовсе нет. Ваша старость — это молодая красотка, которая несется мимо, не глядя даже в воздух над вашей головой.

Скоро на веранду выйдет Валентина в своем любимом вязаном платке, накинутом на округлые плечи. Один из бесконечных подарков, который ей торжественно вручили на творческой встрече в городке, где большая часть женщин работала на фабрике, производящей эти самые платки. Супругу, в то время известную актрису, быстренько записали в почетные работники передового предприятия, сфотографировали для доски почета и подарили платок. Она поставит бокал с вином на перила, шумно вдохнет теплый воздух с тонкой нитью прохлады, прочтает одно из любимых четверостиший, помолчит немного и пойдет в дом, как всегда забыв пустой бокал. Она читала стихи с первого дня их знакомства. Ему это нравилось, более того, она его этим зацепила, да так, что сердце затеплилось раздувающейся, как бока бегемота, надеждой.

До встречи с ней он разыгрывал для окружающих некую драму, состоящую из переживаний прошлых неудачных отношений, поэтически прозаических всплесков и щедрых винных возлияний. Слегка помятый черный костюм, взъерошенные волосы, сплетение ароматов сигарет и островатого одеколлона делали чудеса в женском обществе. Конечно, если бы не его литературная одаренность, открытая улыбка и смелый юмор, то вряд ли женщины им интересовались. Печальные события, как стремительно вращающийся ледяной пояс Сатурна всегда в поле обозрения, всегда рядом.

Веселый Герман Степанков захаживал частенько под вечер, чтобы похвастаться новой главой в романе, который уже с нетерпением ожидали толстые журналы. После пятилетнего перерыва он вдруг почувствовал, что необходимо высказаться: собрал вещички, прихватил ноутбук и рванул на дачу. В тот вечер Михаил с некой долей зависти посматривал на горящее тусклым светом окно в кабинете Германа. Под утро свет погас, прозаик взял охотничье ружье, поднялся на чердак и поставил точку в последнем предложении своего нового романа. Эта новость облетела поселок, обдавая нещадным марсианским холодом подвижные души творческой интеллигенции.

Но почему, почему он поймал себя на мысли, что хочет взять Валентину за худые ноги и скинуть в озеро вместе с бокалом, платком, туфлями, легким платьем и четверостишиями, над которыми безжалостно сомкнулась бы теплая вода, щедро нагретая летним палевом. Михаил зажмурился, отметив шальную мысль коротким укором, и быстренько все списал на сложное и по-особенному устроенное сознание сценариста, которое по своей природе склонно к таким вот контрастным измышлениям. Когда он писал сценарий к фильму «Потерянные в море», то почему-то представлял Валентину, тщетно пытающуюся ухватиться за кусок пенопластового спасательного круга. Роль должна была играть молодая и красивая актриса, но какая-то неведомая и настойчивая сила вталкивала на виртуальный экран сознания Валентину. Огромный коршун бесшумно спал с небес, загородив крыльями свет, он вцепился в перила когтистыми лапами, повернул голову и

вперился круглым глазом в Михаила, на толстом и кривом когте красовался перстень с яхонтом, обрамленным бриллиантами. В этой тяжкой дремоте чего только не пригрезится...

Он взял лист бумаги и ручку.

Рядом с пугающим своим величием Юпитером разместилась голубая жемчужина Земля, такая маленькая и беззащитная, словно случайно кто-то ее обронил. С каждым годом Юпитер становится меньше на два сантиметра, но и наша планета не растет. Что эти два сантиметра для такого небесного тела, как Юпитер. Надо запретить писателям продавать оружие всех видов. Что это за мода такая. Герман никогда и охотником-то не был. Он был писателем. И, надо признаться, весьма неплохим. Даже хорошим. Но, если честно, глядя в глаза голодной акуле, то все писатели — это неудачники. Независимо от тиражей. Они плетут паутину упругой лжи, чтобы потом замереть в ее центре, раскинув цепкие лапки по сторонам. Они никто. Они все болтуны. Рассказчики. Вы не обращали внимания на то, что излучение Юпитера в гамма-диапазоне, по данным «Чандра», похоже на водомерку?

В декабре прошлого года Михаила пригласили в жюри одного весьма странного и необычного конкурса. Нет, подобных мероприятий проходило великое множество в России, но было отчаянно непонятно, каким образом организаторы соревнований по женскому бодибилдингу решили, что им может пригодиться литератор с далеко не спортивной фигурой. Михаил несколько раз осмотрел себя в зеркало гардероба с выдвигающимися дверями, чем вызвал некое подозрение у супруги, потом скрылся в кабинете, чтобы там, в уединении, принять окончательное решение. С одной стороны, привлекало то, что конкурс женский, да еще и в Сочи, то есть почти неделю он будет находиться среди загорелых красоток в бикини. С другой стороны, это очень не понравится Валентине, которая вообще терпеть не может, когда он продолжительное время пребывает в окружении симпатичных женщин. И еще ему срочно надо было сдавать пилотную серию нового проекта, с которой как-то все затянулось и забуксовало, а соавтор звонил и нервничал, даже соскакивал на истеричный визг, ему очень не хо-

телось, чтобы их проект про подпольное африканское сообщество прикрыли из-за несоблюдения оговоренных сроков. Михаил принял решение, что никуда не поедет, потому что это его расслабит и прервет все творческие и супружеские процессы, а надо быть благоразумным. В его возрасте надо уметь принимать решения без излишних лукавых размышлений. Президент федерации Антонина выслушала его доводы и приятным низким голосом предложила встретиться в спортивном центре, где проходят тренировки женской сборной. У нас есть уютное кафе, я вас приглашаю, мы все обсудим, я понимаю, что вы человек занятой, но, может, уделите немного времени, чтобы хотя бы ознакомиться с нашим миром. Не исключено, что это вам пригодится для будущих сценариев.

— Я приеду с удовольствием, и, кстати, я тоже когда-то занимался спортом, у меня даже есть разряд, — игриво ответил Михаил и тут же удивился сам себе. Откуда в нем это двуличие и мастерство притворства. Три минуты назад он был уверен, что никуда не едет, но этот манящий голосок как будто опутал его невидимой паутиной, которая в какой-то момент напомнила о себе тугой хваткой. А разряд у него действительно был по бадминтону. Но в этот момент ему захотелось быть мастером спорта по какому-то более мужскому виду спорта. Все-таки бадминтон не придает личности особого масштаба, ну кто может привести в пример известного в мире бадминтониста, да никто, поэтому он решил, что не будет уточнять о своих достижениях, а если вдруг Антонина спросит, то соврет, что это было самбо, но давно, так что все приемы он благополучно позабыл. И еще он настойчиво представлял Антонину в купальнике на краю призывно бурлящего бассейна. Даже переживал, как бы она не уронила смартфон в розовом чехле в воду. И ничего не мог с собой поделаться: ему, как сценаристу, написавшему не одну эротическую сцену, сидя в темном кабинете загородного дома, никак не удавалось осадить коня, на которого лихо вскочила фантазия, вдавив по самые пятки шпоры в его округлые и лоснящиеся бока.

Поздним вечером Михаил нацепил на кончик носа очки, обычно он так делает, когда собирается что-то писать, это отработанный

сигнал для Валентины, что я ухожу, просьба не беспокоить. В кабинете, притворив дверь на защелку, он достал начатую бутылку виски, нарезал лимон ножом для бумаги и стал смотреть ролики про самбистов, чтобы хотя бы какое-то представление иметь о борьбе, про которую ему вдруг придется врать.

Михаил неуверенно топтался возле картонного Шварценеггера, победоносно вскинувшему руки с наборными гантелями над головой. Светодиодная лента по краю придавала еще большего блеска его широкой и наивной улыбке, наверное, так радуются качки, когда видят приближающийся грузовик с бесплатными стеридами. Раздвинулись автоматические двери, появилась Антонина в легком цветастом платье, выгодно подчеркивающим тренированное и смуглое тело, окропленное туалетной водой с легким и манящим ароматом. Михаил чувствовал себя неловко, ведь он по большей части привык вращаться среди корректоров, редакторов и сценаристов, чьи вечера скрашивали пивные посиделки с обсуждением литературных и кинематографических новинок. Женщины филологи с сигаретами, в очках и балахонного типа платьях не брезговали резким словом и смотрели на мир, прищуриваясь от едкого дыма. Любими мужчинами для них были давно покинувшие бранный мир литераторы.

Антонина легко, но цепко взяла его под локоток и увлекла внутрь шикарного центра, чтобы рассказать и показать, как целеустремленные женщины накачивают себе все самые важные места, вместо того чтобы отирать торчащим пузом край разделочного стола на кухне. Через пятнадцать минут все сомнения Михаила улетучились, он был весел и бодр, небольшой дискомфорт вызывал поясной ремень, который он усердно подтянул, чтобы скрыть некоторые проблемные зоны. На предложение симпатичного президента федерации о совместных занятиях он отозвался звонким согласием, чем в очередной раз себя удивил. Коня по-прежнему несло в дальние и неведомые дали. Антонина как-то опасно близко придвинулась к Михаилу и спросила, не хочет ли он сходить в музей Арктики и Антарктики на выставку чукотского резного искусства. Приехала новая экспозиция.

Откуда-то из туманной пелены прозвучали слова: «Что вы, в моем-то возрасте». — «Не говорите ерунды, вы вполне хорошо выглядите. Небольшой курс индивидуальных занятий, и вы обретете свои настоящие формы». Ночью ему снились чукотские мастера.

От волнения он съел кекс с изюмом, запив его стаканом апельсинового сока, теперь в животе бултыхалась вся эта бестолковая еда, как будто ворочаясь на фоне разговоров о правильной диете. Давно Михаил не испытывал переживаний относительно того, каким образом в жизни все неожиданно поворачивается, когда хочется воскликнуть: я даже представить себе не мог! Он уже забыл, когда что-то могло пойти не по планам, за исключением вмешательства откуда-то свыше, его день мало чем отличался от троллейбуса, послушно следующего заданному маршруту. Пробуждение, небольшая зарядка через пень-колоду, в промежутках между приемами пищи просиживание пятой точки за ноутбуком. Неожиданное знакомство с Антониной как будто открыло ему глаза на то, что окружающий мир давно изменился, а он продолжает придумывать какие-то однобокие истории, базирующиеся на классических формах без малейшего намека на современность и оригинальность. Надо бы повесить на веранде боксерскую грушу, дать себе слово мутузить ее каждый день, еще начать бегать по лесным дорожкам, вытопанным вдоль озера. Грех не использовать такие возможности. Зря, что ли, были потрачены гонорары на дом в таком живописном месте!

Женщины всегда считали его харизматичным, он искренне не понимал, каким образом отсканированная взглядом его невзрачная внешность, преодолевая сложные пути в не менее сложном женском мозгу, преобразовывалась в привлекательную картинку. Вот уж настоящее преображение. До поездки он успел побывать несколько раз на утомительных индивидуальных тренировках, после которых приходилось отлеживаться в своем кабинете на кожаном диване. Давно бы плюнул на все эти сомнительные занятия, но как будто неведомая сила влекла его в спортивный центр, хотя если отбросить все эти дешевенькие штампы, то влекла его туда Антонина.

Михаил укатил в Сочи, а его соавтор впал в отчаяние. Он кричал в трубку, что найдет другого компаньона, более надежного и талантливого, чтобы не зависеть от неуравновешенных неудачников.

На всякий случай, для успокоения души, он разбросал по дому листки бумаги с записями для сценария — это могло послужить оправданием, если вдруг кто-то Валентине сообщит, что видел его в компании красивой женщины. Когда ты работаешь над сценарием — можно все. Это, конечно, громко сказано, но все-таки пока более универсальной отговорки найти не удалось. Он известный человек, но, конечно, не настолько, чтобы его постоянно всюду узнавали. В молодости хотелось, чтобы так и было, но сценаристов вообще не так часто чувствуют, как прочих участников команды, создающей фильм. Если картина соберет в прокате массового зрителя, то все лавры, как вы понимаете, достанутся артистам и режиссеру, как будто это они все сочинили и придумали, да многие из них и пары предложений самостоятельно не могут составить, невнятно бормочут себе под нос, пытаясь хоть что-то приличное выдать. Без бумажки с чужим текстом они превращаются в пустое место, как карета Золушки в тыкву. От режиссера тоже многое зависит, но дайте ему дрянной сценарий, и что он снимет, как не такое же дрянное кино, о котором никто не вспомнит через пять минут после того, как пройдут финальные титры. Скольких артистов, режиссеров и даже операторов он вывел в люди, но где их благодарность, вот в чем вопрос. Стремительно выбегают в арендованных фраках на сцену, потрясают золотыми статуэтками, утирая слезы и раздавая благодарности родителям и близким, но редко когда вспоминают СОЗДАТЕЛЯ всего этого праздника. Его так и не пригласили на «Кинотавр». Творца, давшего им возможность проявить себя, составившего слова так, что они хирургической нитью сшили рваные раны скорбящих сердец.

От занятий спортом повышается аппетит, хочется вредной еды, куриные грудки и овощи вызывают уныние и тоску. А уныние — это грех. Антонина мягко настаивала на правиль-

ном образе жизни, а Валентина жарила котлеты. Женщины странные существа, еще не совсем изученные наукой, потому что они могут быть к тебе абсолютно безразличны, продолжая при этом сытно кормить, целовать на ночь, провожать в дорогу легким поглаживанием по спине, как будто исполняя обязанность по хозяйству. Это как присматривать за коровой или сыпать корм домашней птице, просто на автомате без особых эмоций. Но стоит появиться даже слабой тени интрижки с вашей стороны, как они начинают проявлять к вам полноценный интерес, включая телесный контакт, как будто интуитивно чувствуя, что появилась соперница. Валентина стала заходить к вечеру в кабинет к Михаилу, пыталась завести с ним разговор, вспоминать какие-то романтические эпизоды из их совместной жизни, садилась в кресло, не запахивая голые ноги полами халата. Он смотрел на нее, а перед глазами возникала Антонина с яркой улыбкой и растянутым эспандером, резинки которого давили на выпуклую грудь.

В Сочи Михаил потерял над собой контроль и влюбился в Антонину. Хотя, возможно, это была не та, настоящая юношеская любовь, берущая основы в самопожертвовании и домостроительстве, а, скорее, буйный пир утолившейся от одиночества плоти. Как будто сорвавшаяся с поводка домашняя собачонка, которая, игнорируя хозяйские упреки, угрозы и притворные ласковые призывы, носится кругами с бешеными глазами, высунув язык. Конечно, не сказать, что Михаил так легко сдался. Он старался держаться изо всех сил, как старенький буксир, прицепленный за кнехт истлевшим канатом, но внезапное морское волнение сорвало его к чертям и понесло по волнам беззаботности и безответственности, то стремительно вскидывая над пенящимися волнами, то ухая вниз, бросая в страшную тьму. Антонина сказала, что ей нравятся мужчины постарше, потому что они подкупают своей мудростью, взвешенностью и основательностью. Слушая это, Михаил смотрел на нее с прищуром. Он опытный и прожженный тип, но устоять перед чарами спортсменки сил не хватило. Антонина добавила, что особенно ей нравятся грамотные и реализованные мужчины, к сожалению, сре-

ди спортсменов подобные типажы крайне редко встречаются. Ее последний молодой человек был штангистом. С ним никогда не удавалось поговорить на культурные темы, а она все-таки в ранней юности окончила художественную школу, еще интересовалась кино и театром. Но штангист тренировался или играл в продвинутую компьютерную приставку, да иногда кормил рыбок, разговаривая с ними по душам. Однажды она все-таки затащила его в театр на экспериментальную постановку французской труппы, поднимающей проблемы людей с синдромом Туретта, но он почти все представление просидел в буфете со смартфоном.

Неделя пролетела быстрее сверхскоростной японской электрички, за окнами которой пейзаж превращается в летящую стрелу. Первое место в конкурсе, не без некоторых подтасовок, заняла подопечная Антонины, а сама она как будто несколько охладела к Михаилу, несмотря на все его старания, не проявляла былой заинтересованности. А он, как наивный неопытный юнец, уже всякого себе нафантазировал и даже подумывал о том, как бы им съехаться, для начала не официально, а потом, хотя что там может быть потом, вообще непонятно. «Потом» имеет множество смыслов и подсмыслов, а чаще всего это означает «никогда». Только в мягкой форме, чтобы не ранить и не задеть.

Однажды она сказала ему, что хочет сняться в кино, конечно же, в главной роли. Он ей дал понять, что так просто подобные вопросы не решаются. Сценарист не может выбирать артистов, все-таки в этом случае большее влияние, как это ни прискорбно, имеют режиссер и продюсеры, которых скоро будет больше, чем артистов с массовой вместе взятых. А надо было врать. Это простое и гениальное решение почему-то пришло запоздало, оборвалось последним жалким осенним листом, упав на подмороженную землю, покрытую грубой коркой молодого льда. Он же врал Валентине, которая, как ни крути, гораздо ближе ему, чем случайная, хотя и симпатичная спортсменка. Чего ему стоило дать ей обещание и продолжать наслаждаться подвернувшимся удачным случаем, вместо того чтобы изображать из себя кристально чистого писаку. Как он мог забыть, что он паук.

Я просто писатель, понимаешь? Всего-то. Я живу тем, что придумываю чужие жизни, это какая-то игра в мелкое божество, которое пытается подражать высшим силам. Я создаю треугольники, я ищу конфликты, создаю драмы и комедии, но я не создаю жизнь. Мы же все профессиональные лжецы.

Сейчас модно хотеть уехать за границу, находиться в таком предчемоданном настроении. Еще есть люди с полусовестью. Они не совсем негодяи, поэтому не выбрасывают котов и щенков на улицу, а подкидывают их другим людям, перекаладывая ответственность на чужие души. А мы работаем со словом. Понимаете? В то время, когда искренние люди говорят от сердца нужные слова в нужное время, мы работаем. Точим детали у станка. Мы подбираем слова, складываем их в предложения, чтобы все было выверено и точно. Стилистически выдержано. Это производственный процесс, а не естественное течение жизни. Это обман. Я не могу обещать вам главной роли, но прошу, вернитесь ко мне. Все так хорошо начиналось. Я полюбил спорт. Сел на диету. Да, срывался, и неоднократно, но готов работать над собой. Вот уже второй день не ем ничего вредного. Как вы и говорили. Ни булок, ни сладкого. Вернитесь ко мне. Мы можем жить в моей квартире, о которой жена не знает. Я купил ее на солидный гонорар. Мне его вручили за сценарий к фильму, который собрал множество наград, вытолкнув меня в самый авангард киноиндустрии. Позвоните мне, мы все уладим!

И тогда он решил проследить за ней. Это может пригодиться для работы, успокаивал он себя. Пока непонятно, каким именно образом, но пригодится. Михаил зашел в магазин, где купил солнечные очки на пол-лица. Продавец настойчиво рекламировал горнолыжный вариант, дополненный всевозможными фильтрами, и палатки с резко упавшими ценами, но тщетно. Снежные склоны и лесные опушки остались в далеком прошлом. Почему-то слезку хотелось начать вести в новых очках, это может показаться странным, но его мало волнуют подобные вещи. В бардачке лежал в полиэтиленовом пакете парик, который он попросил у

знакомой гримерши, сославшись на то, что хочет поиграть с внуками в шпионов. Еще пышные усы и клей. Черный кожаный пиджак гармонично дополнил картину, сделав его похожим на сутенера из американского боевика с машинами-«сигарами». Он припарковал машину в нескольких кварталах от спортивного центра, чтобы случайно не наткнуться на кого-то, хотя на самом деле этого можно было и не делать. Лысина под париком взмокла, усы чесались, очки больно давили за ушами. Ему хотелось оказаться рядом с ней, но так, чтобы она не поняла и не догадалась, что это он. А еще острее стал бы сюжет, если бы у них закрутился роман, но она опять-таки не понимала бы, что это он. Но такое вряд ли удалось бы провернуть, все-таки парик и усы не настолько надежны, в любой момент могут подвести, отвалиться, отлепиться, он будет выглядеть дурнем из дешевой комедии.

Она все не звонила. Назло всему миру он заперся у себя на оборудованном чердаке и начал писать новую историю, пока сердце изнывало от вырванной с корнем любви. Хотя... вот, помнится, когда он увидел первый раз свою будущую жену в легком летнем платье, с туфлями в руках, уверенно вышагивающую босыми ногами по окропленному теплым

дождем асфальту, вот тут его сердце заняло. Все было как в кино, никакой рекламы на домах, чисто и по-настоящему. В доме появились шумные артисты, заполнив собой все пространство. Начались читки, репетиции и обсуждение нового проекта. И жена.

— ...Дедушка, а ты знаешь, сколько планет в нашей Вселенной? — на веранду выбежала кучерявая внучка, нарушив вечернюю пустоту звонким голоском.

Михаилу Степановичу захотелось оказаться в самом начале познания мира, когда все вызывает восторг и восхищение, открытие за открытием. Повсюду скрываются удивительные вещи, возбуждающие разум, не давая ему покоя. И голубая жемчужина Земля продолжает вращаться...

□

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, кинорежиссер.

Публиковался в журналах «Север», «Новая юность», «Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Carelia».

Автор книг «Вечный сахар» (2009),

«Единственная стрела» (2014).

Рассказы и повести переведены на финский и немецкий языки.

Лауреат национальной премии имени Елены Мухиной в номинации «И слово отзовется...».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

